

*Рецензия на сборник
избранных стихотворений
Владимира Федоровича Шугли
«Закатов поздних собеседник»*

Литература мобилизует в свои ряды людей самой разной профессии. Немало в литературе врачей, самые известные из которых Антон Чехов и Михаил Булгаков. Есть в нашей литературе немало военных – навскидку вспоминаются Лев Толстой и Лермонтов. Есть писатели из дипломатического «сословия» – сразу вспоминаешь Грибоедова. Если о современниках, то в российском Министерстве иностранных дел поэзия не на чужой территории: министр иностранных дел Сергей Лавров пишет стихи, и не он один...

Автор недавно вышедшего сборника избранной лирики Владимир Федорович Шугля не только поэт, но и Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в России. И хотя живет он в Тюмени, но корни его в Беларуси. Он член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, член Союза писателей Беларуси, приписан в России к Санкт-Петербургскому отделению Союза писателей России. Читатель знает его творчество по публикациями в российских и белорусских журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Невский альманах», «Второй Петербург», «Нёман», «Немига литературная», «Полымя», «Берега», «Дон», «Вертикаль», «Приокские зори», «Врата Сибири» и др. Многие стихи Владимира Шугли ушли в народ, став песнями! Он финалист национальной литературной премии «Поэт года», лауреат премии Союза писателей Беларуси (2013 год), Международного конкурса лирико-патриотической поэзии, посвященного 90-летию поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева «Я не мыслю себя без России» (Санкт-Петербург, 2014 год), литературной премии имени народного поэта Беларуси Максима Танка (2017 год) и так далее. Награжден орденом Дружбы Российской Федерации, медалью и орденом Франциска Скорины (Республика Беларусь).

И вот новая книга, вышедшая в 2022 году, «Закатов поздних собеседник», которая по своей стилистике напоминает творчество Лермонтова. Такой вывод делаешь не просто, видя в книге эпиграфы из Лермонтова. Самостоятельное тяготение автора к небу позволяет говорить о том, что «творческим отцом» Владимира Шугли является именно Лермонтов, веками выходящий один на дорогу и выводящий на эту небесную дорогу, начинающуюся на земле, своих читателей, чтобы отвлечь их немного от нескончаемых земных дел, чтобы подняли взор в небо:

«...Накинув звезд волшебную вуаль, // Душа летит в космическую даль...// оставив брэнность жизни позади, // Мечты восходят к Млечному Пути...».

Даже такое вроде бы земное обиходное дело, как тост, у Владимира Шугли обретает статус небесного свойства. Впрочем, если относиться к тостам серьезно, как это, к примеру, делается на Кавказе, то такое отношение языковеды объясняют тем, что тосты являются осколками древних обрядов, существовавших у людей задолго до христианства и мусульманства. Тосты – некие осколки древних молитв. А молитвы всегда, со времен зарожде-

ния человечества, были устремлены к небу. Русское застолье тоже издавна было обрядом, ведь пригласить за стол человека – значило у наших предков оказать ему высшее доверие. Застолье было проверкой на верность, чокаясь чашами так, что напиток переливался из одной чаши в другую, наши предки показывали, что в напиток нет яда. А доверительные застольные беседы носили характер исповеди...

*«Словно русское застолье // Снега вьюжная любовь, // Всюду зимнее при-
волье, // Сосны и рябины кровь. // Слышны ветра переплясы, // Словно
шум хмельных гостей...// Песни леса, вихрей ласки – // Тост небесный для
полей...».*

Творчество Владимира Шугли отмечено важным качеством, о котором кто-то же должен напомнить человечеству, что уж слишком увлеклось прогрессом. Это нечастое качество – осознание себя, человека, не царем, но единокровным сыном природы. Помните, был такой лозунг в советское время: «Мы не можем ждать милости от природы, взять ее – наша задача». Так вот творчество Шугли категорически отвергает этот постулат. Если человек – часть огромной природной «семьи», как он может тянуть одеяло на себя, уничтожая растения, реки, животных, уничтожая все то, что ныне называется «экосистема»? Главное богатство человека, и об этом тоже стихи Владимира Шугли, не зависит от так называемой цивилизации. Что дано человеку свыше, отнять никто не в силах, а только Тот, от кого этот дар. Можно отключить электричество, но нельзя отключить зарю. Можно отменить закон, но рассвет отменить не в силах ни один, даже самый сильный и уважаемый правитель. Эти небесные дары, которые не надо брать у природы силой, мы как-то разучились ценить:

*«Иного не знаю достойней богатства – // Сквозь беды мечтами в зарю
прорываться, // И споря с собою, решая сомнения, // Эпохи и сердца в ней
слышать биенье, // Любовь и надежды записывать в святцы // И с верою в
счастье душой не расстаться. // В слезинках галактик растаять молит-
вой, // Обратно вернуться рассветом разлитым...».*

Лермонтовская устремленность в космические дали поднимает стихи Владимира Шугли над сиюминутным. Поэт говорит о небесном отечестве человека, живущего на земле и, несмотря на плен земного, понимающего, что самые главные ценности не измерить в материальном выражении:

*«Ночные звездные высоты // Зовут... И не дают уснуть. // Космических
глубин щедроты // Зажег, мерцаая, Млечный Путь. // Оставив на земле
тревоги, // Забыв известный гон дневной, // Плывут по сказочной дороге
// Мечты межзвездной ворожкой... //...Отбросив суету, невзгоды, // Забыв
про то, что не вернуть, // По звездам до седьмого пота // Душавычерчи-
вает путь...».*

...Бессловесна суть высокой поэзии, которая стремится к золотой тишине. А жизнь такая громкая, такая насыщенная, постоянно уводит нас в царство слов, которые, конечно, серебро, но сколь часто звучат из лживых лукавых уст! Мы живем в мире новостей, которые меняются с калейдоскопической быстротой. Мы заложники этих новостей! Просыпаясь, сразу стараемся узнать, что нового приключилось в мире, словно бы боясь остаться наедине с тишиной и самими собой. Владимир Шугля призывает нас не бояться ни себя самих, ни тишины, ведь она подобна космической симфонии, а счастье таится в самых простых вещах:

«Какое счастье – вдруг проснуться, // Услышать тиканье часов, // И тишины душой коснуться, // И улететь на звездный зов. // И ждать зарю... И видеть лица // Сквозь свет таинственных миров... // Опять боясь пошевелиться // В небесном пении без слов».

Не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, что Владимир Шугля – некий отрешенный от земного певец космоса, рыцарь чистого искусства, ведь небо начинается на земле. Увы, от земли современные люди ушли далеко, не только соблазны города, но и экономические причины заставляют глубинную Россию покидать веками обихаживаемые предками земли. Но становясь горожанами, многие с горестью понимают, что они не только осиротили родную глубинку, но и сами стали сиротами:

«Прогнившая крыша... Разбитые стекла у окон. // Поземка гуляет по тропке за брошенным стогом. // В забытом колодце давно уже нету водицы... // И где ж ты, хозяин вот этой забытой землицы? // И где то семейство со стайкой веселых детишек, // И та голубятня, как небо, под солнечной крышей? // Белёсою пылью забытая тропка ярится... // А память, как поезд, все в прошлое, в прошлое мчится. // И вновь возвращается гулко летящим экспрессом, // Где нет пассажиров... Лишь юность с любовью // Да детство».

Или вот еще:

«Вновь и вновь проезжаю я мимо // Вечной стати полей и лесов, // Деревенек, что «сраму не умут», // Прожигаящих жизнь городов. // Выхожу на перроны вокзалов, // Полустанков встречаю салют, // Жизнь, как будто картины Шагала, // И гротеск, и без днища сосуд. // Разухабисто дальми льется // От пиров до похмелья в крови, // Позовет, оттолкнет, засмеется, // Заключая в объятья свои... // Я в рассветах найду остановку // Там, где аист кружит над жнивьем, // И повешу из сердца подковку // На дорогу, ведущую в дом».

...Война... Вечная тема русской поэзии. И не только со времен «Полтавы» и «Бородино», а еще со времен «Слова о полку Игореве»! Ведь ни одного века не проходило, чтобы не приходилось жизнью отстаивать свое законное право жить на земле предков. О героической судьбе Беларуси во время Второй мировой войны, о героизме белорусских защитников советского отечества не забыть, ведь подвиги их вписаны в историю кровью! Принадлежа к поколению «детей войны», мы не вправе забывать, что благодаря героизму наших отцов мы еще и «дети Победы». Хотя и видели воочию ту страшную цену Победы в судьбах наших отцов, «не стоявших за ценой». «Отцы приходили с войны»... Да, они непременно приходили, возвращались на родную землю. Кто-то сам, кто-то на костылях, а кто-то и похоронками... Но возвращались победителями!

«Отцы приходили с войны, // Спускались, кто выжил, с победных вышин, // И честь, и свободу страны // Спасли от безумия страшных годин. // Отцы приходили с войны, // А в душах – разрывы снарядов и мин. // И с ними рождались и мы // В победном салюте духовных вершин...».

Или:

«Когда я слышу о войне, // Отец в мою приходит память, // Пока я жив – он жив во мне, // Несет надежды и веры знамя. // И будто с ним я наравне // Средь воя мин, среди пожарищ: // Он старший друг – я не во сне – //

И верный мне в беде товарищ... // Одна из пуль летит моя... // «Я жить хочу!» – кричит сознание... // И спас отец – закрыл меня... // Несем мы вместе наше знамя».

Сегодня мы видим опять, как фашиствующие недобитки, потомки предателей и полицаев, испытывают Россию и Беларусь на прочность, сделав заложницей своих крысиных планов братскую нам Украину. Славянское мужество да не оставит наших доблестных воинов, за которых молится вся страна! Читаешь стихотворения Шугли и поневоле понимаешь, что эти стихи не о прошлом, хотя и о прошлом тоже, они о нашем настоящем. О том, как некоторые нелюди пытаются нас заставить думать, что именно они и есть это самое НАСТОЯЩЕЕ. При этом не испытывают никаких угрызений совести от страданий геройского Донецка, где одна только аллея Ангелов является неискупимой виной нацистской нечисти, обосновавшейся на украинской земле. А ведь помимо аллеи Ангелов сколько крови и преступлений на этих нелюдях!

«Лечу за душою вдогон // В то время, где мир безрассуден, // Где взрывы снарядов... И стон, // И пламя пожаров из судеб. // Я вижу голодных детей, // Горящие храмы и хаты, // Крысиного цвета людей, // Стреляющих из автоматов... // Мелькнуло девчухи лицо // В истошном от ужаса крике. // Начертано ей быть венцом // В сиянии Божьего лика...».

В творчестве Владимира Шугли гражданская лирика сильна прежде всего тем, что поэт не опускается до обвинений современников, тем самым как бы снимая вину с себя, мол, как же допустили такое, такие ВЫ сякие. Подобными обвинениями кого угодно, только не себя, часто грешат авторы так называемых гражданских стихов, тем самым низводя себя из ранга поэтов в категорию стихотворцев. Владимир Шугля начинает обвинение в настроениях отечества с себя самого, покаянность – вот принципиальное сильное отличие его гражданских стихов от множества обвинительных рифмованных текстов, выдаваемых за гражданскую лирику.

«Кричали: «Жаждем перемен...» // И вот уж нет запретных тем. // Но больше прежнего грешим, // Тепло сердец уходит в дым. // И Бог оставлен на потом // В земной погоне за рублем. // Быстрой, быстрой набить суму... // О путь! Без разума во тьму... // Возводим дом, а в нем нет стен, // Бурьян на пашнях, свалок тлен, // Святыни – в дыме, а в душах – дым // Туманит время злом земным. // А жизнь-то в сущности проста: // В ней детский смех – она чиста».

...Однажды мы непременно возвращаемся в детство – за воспоминаниями, за осознанием ошибок, за силой веры, которой сильно детство, когда мы ощущали мир прекрасным, а себя непобедимыми. Не потому ли мы так любим внучат, что поневоле они напоминают нам о золотом времени детства? В воспоминаниях о детстве мы черпаем силу и, как ни странно – мудрость, ведь устами младенца глаголет истина. А истина проста: живя на земле, поднимать глаза к небу, потому что небо начинается с земли. Об этом нам ненавязчиво, без менторства, доверительно и исповедально напоминает всем своим творчеством Владимир Шугля.

«С годами больше верю я делам, // Сжигая слов давно ненужный хлам, // И дружбы чистой берегу часы // Среди вот этой черной полосы. // В душе храню звучанье вечных грез – // Я с юности его в душе пронес, // В таком же – в ранах – сердце как мое // Течёт с небес земное бытие».